

К вопросу о решении научных проблем в области исследований гаудия-вайшнавизма

Н. И. Антонова

АНО «Институт сознания», г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5142-7889>, e-mail: nari108@mail.ru

Резюме: путь эволюции науки связан с рядом особенностей познания, определяющих его динамику. Опираясь на соответствующие положения из области истории науки, автор раскрывает первостепенную роль рефлексии и, как следствие, – коренных трансформаций аксиоматической базы науки в ее эволюции. Приводятся примеры нового подхода к решению научных проблем в области гаудия-вайшнавизма. Делается вывод о необходимости пересмотра прежних представлений и стереотипов, не позволяющих решать в рамках старой парадигмы соответствующие времени научные задачи.

Ключевые слова: гаудия-вайшнавизм; научная рефлексия; эволюция компаративистики; бенгальский вайшнавизм; диалектический вектор веданты

Для цитирования: Антонова Н. И. К вопросу о решении научных проблем в области исследований гаудия-вайшнавизма. *Ориенталистика*. 2020;3(1):110–118. DOI: 10.31696/2618-7043-2020-3-1-110-118.

Some aspects of the Gaudiya-Vayshnavism research

N. I. Antonova

Autonomous non-profit organization «Institute of consciousness», Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5142-7889>, e-mail: nari108@mail.ru

Abstract: the evolution of the research phenomenon is associated with certain features of cognition (as a philosophical problem) that are crucial for its dynamics. The phenomenon of the history of science / scholarship has its own specific research features and postulates, which serve as a methodological basis for the author of this article. This allows it to identify the primary role of reflection, which, as a consequence, contributes to changing the axiomatic base of research, that is, its evolution. This is illustrated in the article devoted to the complex of problems in the field of Gaudiya-Vaishnavism research. The author suggests to regularly revise the becoming outdated

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

ideas and stereotypes, especially those that contain ideological connotations and obvious errors in the perception of the cultures of «the others».

Keywords: Gaudiya-Vaishnavism; science, reflection in; studies, comparative, evolution of; Bengali Vaishnavism; Vedanta, dialectical vector of

For citation: Antonova N. I. Some aspects of the Gaudiya-Vayshnavism research. *Orientalistica*. 2020;3(1):110–118. (In Russ.) DOI: 10.31696/2618-7043-2020-3-1-110-118.

Введение

Истории научных исследований известна существенная, постоянно повторяющаяся взаимосвязь: достигшей зрелости науке свойственно обращаться к собственным аутентичным началам.

Научная *рефлексия*, подобно деятельности самопознания личности, также предполагает поиск ответа на вопрос: кто я? В процессе самоидентификации наука, наряду с критическим анализом содержания собственного предметного знания, стремится осмыслить и используемые ею методы познания. В этом смысле осуществляемая учеными рефлексия является одной из ступеней научно-исследовательской деятельности в широком культурно-историческом контексте. Существует, как известно, и *предметный* уровень, изучающий явления действительности непосредственно [1, с. 736].

Путь эволюции науки связан с еще одной особенностью познания, определяющей его динамику. Речь идет о качественном скачке – как результате кардинальных трансформаций отживших теорий и изменений в аксиоматической базе науки «логически более совершенным образом» [2, с. 136].

Постановка проблемы и примененные методы исследования

Зададимся вопросом: характерны ли все вышеизложенные закономерности для ориенталистики, в частности для области изучения гаудия-вайшнавской традиции?

Хорошо известны отдельные попытки критического анализа методологии востоковедческих исследований, посвященные, например, изучению Ближнего Востока [3] или сравнительного анализа ислама и западной цивилизации, а также культуры Адыгеи [4; 5]. Безусловно, трудно переоценить работы по индуизму Д. Б. Зильбермана [6; 7], в основе которых лежит метод «модальной методологии», разработанный талантливым философом и социологом культуры. Но все эти работы относятся к 1960–1970-м (в случае Х. М. Казанова – к 1980–1990-м) годам прошлого столетия.

Во всех восьми вышедших томах международного научного рецензируемого журнала «Ориенталистика» к освещению проблем исследования гаудия-вайшнавизма обращались лишь дважды: в статьях А. С. Тимощука [8] и В. В. Останина [9].

Если произвести своеобразное маркирование уровней научной рефлексии по В. Лефевру и Г. П. Щедровицкому [10, с. 8] (к слову, именно последний порекомендовал Д. Б. Зильберману поступить в аспирантуру Института конкретных социальных исследований АН СССР и пригласил его участвовать в работе известного Московского методологического кружка, им руководимого), то нулевому порядку будет соответствовать предметная деятельность, или предметный уровень изучения действительности. Для того чтобы подняться на ступень выше, на уровень рефлексии первого порядка, возникнет необходимость произвести осмысление этой деятельности. Второй порядок уровня рефлексии потребует осознания произведенного нами осмысления, и так далее. Интересно, сколько же «этажей» рефлексии имеет построенное учеными-ориенталистами условное научное «здание»?

Отнюдь не является секретом феномен встроенности научного познания в общекультурный сплав ценностей, идей и установок мировоззренческого характера. Опыт указанного явления позволяет делать выводы, подобные этому: «Оказывается, под единой вывеской “наука” разместились два совершенно разных предприятия. Одно из них можно назвать наукой-исследованием, а другое – наукой-мировоззрением» [11].

Называемая парадигмой целостная модель научных подходов как концептуально-методологическая преемственность в науке способна автоматически переносить в предметное поле актуальных исследований не только научные достижения, но и вполне «махровые» заблуждения.

Очевидно, что концептуальная динамика востоковедения требует эволюции компаративистики как научного метода: от тенденции разделения на свое и чужое, несущей идеологические коннотации, – к интеграции и поиску сближения. Требование времени предполагает отказ от наследия старой парадигмы и необходимость перехода от классических – к постнеклассическим идеалам рациональности.

Динамику перехода от одного типа рациональности к другому можно проследить на следующей схеме [10] (В. С. Степин в интерпретации В. Ю. Кузнецова): $(C \rightarrow \{O\})$ – [классическая рациональность]; $(C \rightarrow \{Cp. \rightarrow O\})$ – [неклассическая рациональность]; $(C \rightarrow \{ЦЦ \rightarrow Cp. \rightarrow O\})$ – [постнеклассическая рациональность], где **C** – субъект, **O** – объект, **Cp.** – средства, **ЦЦ** – цели и ценности. Как можно заметить, в схеме постнеклассической рациональности познание коррелируется ценностями и целями субъекта и находится в зависимости от используемых им средств. По существу, эволюция компаративистских методов в ориентализме является частным случаем эволюции рациональности.

В качестве парадигмального наследия Запада современной науке достались такие «хронические» дилеммы, как: академическое – традиционное; рациональное – иррациональное; техногенное – психогенное и т. д. Востребованность интеграционного подхода представляется

сегодня в высшей степени актуальной, что определяется общностью стоящих перед человечеством задач.

В качестве примера нового подхода к решению научных проблем в области гаудия-вайшнавизма заслуживает внимания монография С. В. Ватмана, посвященная изучению бенгальского вайшнавизма [12]. Автор исследования применяет комплексный подход к феномену иной культурной парадигмы. При этом он считает «особенно полезным» обращение к опыту *самоистолкования*, базирующемуся на религиозной составляющей традиции: «Если бы мы не учитывали постоянно этот [религиозный] опыт и ограничились одним только объективистским подходом, – пишет С. В. Ватман, – многие существенные элементы системы и связующие их ходы мысли остались бы для нас непонятными» [12, с. 262–263].

Теперь остановимся более подробно на содержании указанной работы, то есть на раскрытии ее автором ряда особенностей феномена *бенгальского вайшнавизма*. Пожалуй, именно книга С. В. Ватмана позволяет получить сегодня самое полное представление о названной вайшнавской традиции.

Приступая к работе, автор делает следующее замечание: «Из-за отсутствия в отечественной науке исследований по бенгальскому вайшнавизму представляющаяся нам картина индийской культуры лишается важного фрагмента, что обедняет ее и делает менее ясными многие явления и процессы» [12, с. 6]. По утверждению исследователя, в образе этой религиозно-философской школы и ветви вайшнавизма мы имеем одно из наиболее «литературных» теологических направлений Индии.

Будет неправильным умалять роль, которую сыграл гаудия-вайшнавизм в лице своего основателя Чайтаньи (1486–1533), значительно повлияв на движение *бхакти* и индийскую культуру в целом. Традиция способствовала интеграции культуры и ее сложению из разнородных единиц в самобытное единство [13, с. 9]. Являясь наиболее поздней самостоятельной школой теистической веданты в философско-теологическом контексте, гаудия-вайшнавизм завершает ряд, открытый *вишишта-адвайтой* Рамануджи (см.: *Joga-sutra*. 1.4 [14, с. 384]). Текст Беснагарской надписи Гелиодора, согласно Г. М. Бонгард-Левину и Г. Ф. Ильину, свидетельствует о популярности гаудия-вайшнавизма уже во второй половине I тыс. до н. э. [15, с. 373].

Повторюсь: традиция гаудия-вайшнавизма представляет собой теистическое направление *веданты*, по оптимистичному замечанию С. В. Ватмана, привлекающее к себе все большее внимание западных исследователей. Но один из наиболее нестандартных, на наш взгляд, акцентов, поставленных автором книги, содержится в следующем его утверждении: «Хотя обычно принято относить к монотеистическим религиям христианство, ислам и иудаизм, мы считаем себя вправе рас-

пространить этот термин и на индийский теизм, признающий единый конечный принцип бытия в форме личности Бога» [12, с. 22].

Далее С. В. Ватман приводит перечень достижений философо-теологического и культурологического характера, осуществленных гаудия-вайшнавизмом. Это и органичная целостность системы, созданной в XVI–XVIII вв. бенгальскими теологами и включающей в себя многие элементы философской, религиозной и культурной традиции Индии (учения пуран, панчаратры, *альваров*, опыт более ранних школ теистической веданты, переосмысленный и переработанный на основе откровений Чайтаньи, а также прочий материал, почерпнутый из самых ранних областей традиционного знания [12, с. 261]). На основе данной системы упрочилась и развилась философско-теологическая *школа* бенгальского вайшнавизма, породившая, в свою очередь, обширную литературу, «колоссальную по объему, разнообразную по языку, жанру и содержанию» [12, с. 261], повлиявшую на культуру Индии в целом. Далее названы: единый и цельный текст Бхагавата-пураны, легший в основу системы бенгальского вайшнавизма и обеспечивший успешность «системотворчества»; формирование теологической доктрины из основных элементов названной пураны; положенное в основу системы учение о *бхакти* как «манифестации сущностной природы Бога и фундаментального принципа индивидуального бытия» одновременно [12, с. 262]. Автор отмечает также «типологическое сходство бенгальского вайшнавизма со средневековой христианской мыслью, сближающее религиозный опыт двух традиций» [12, с. 263].

Словно для того, чтобы восстановить равновесие в области, которая не была вплоть до недавнего времени подвергнута всестороннему и полноценному исследованию, С. В. Ватман неизменно обнаруживает на фоне прочих онтологических направлений все новые и новые достоинства школы. К ним он относит:

1) решение главной проблемы веданты, или соотнесение единства и многообразия сущего – в духе «непостижимой единораздельности»; 2) разработанную на основе «Бхагавата-пураны» и «Вишну-пураны» единую «энергичную» концепцию бытия (*шакти-паринама-вада*); 3) систематизацию «мистического опыта» с использованием понятийного аппарата традиционной поэтики [12, с. 262].

Приведу другие примеры нового подхода к феномену индийской теологии.

Доктор философии Темплского университета (США) В. Дедвейлер спроецировал на ход традиционной индийской мысли диалектический принцип Гегеля. Российский ученый В. В. Останин применяет эти методологические схемы для изучения *веданты* [16]. Однако в отечественном востоковедении имеет характер констатации следующий факт индийской средневековой истории: «Полная (кевала) адвайта Шанкары явилась не

только первой из систем средневековой индийской мысли, но и своеобразной точкой отсчета в ее дальнейшем развитии. Последующие ведантистские системы, возникая в полемике с нею, располагаются в рамках своеобразного континуума между этим полюсом и его противоположностью – дуалистической ведантой (двайта)» [17, с. 247]. При этом предложенный В. В. Останиным «диалектический вектор» позволяет исследователю не столько «регистрировать исторический факт», сколько «выявить глубинные закономерности движения ведантистской мысли» [16, с. 8]. Примененную в антропологическом контексте новую методологию можно выразить следующей схемой: «узловыми точками являются, соответственно: антропология “Ригведы” (тезис), Шанкары (антитезис) и Чайтаньи (синтез), а учения о человеке мимамсы, Гаудапады и Рамануджи с Мадхвой становятся некими переходными формами» [16, с. 9].

Приведенные примеры позволяют пересмотреть роль основателя бенгальского вайшнавизма Чайтаньи в процессе эволюции индийского философского дискурса.

Позвольте также привести пример самоидентификации гаудия-вайшнавизма, произведенной современным носителем традиции [18]. Современные западные вайшnavы знают, что в рамках направления существует несколько трактовок и подходов (*сампрадаи*) к прочтению *веданты*. Традиционно выделяются четыре школы: 1) *Шри-сампрадаи* Рамануджи; 2) *Брахма-сампрадаи* Мадхвы; 3) *Рудра-сампрадаи* основателя-ачарьи Вишнусвами; 4) *Кумара-сампрадаи*, основанная Нимбаркой [18, с. 320]. При этом школа-*сампрадаи* Шанкары, которая опирается на учение Гаудапады, вайшнавской не является. Названные школы *веданты* различаются своим основным выводом (*сиддхантой*), связанным с трактовкой взаимоотношений *Абсолюта, души и материи*.

Сампрадаи Мадхвы имеет бенгальскую ветвь, известную как *брахма-мадхва-гаудия-сампрадаи*. В XVIII в. выдающимся бенгальским теологом школы гаудия-вайшnavов, Баладевой Видьябхушаной, был написан комментарий к *Веданта-сутре* и затем представлен индийским экспертам-философам в г. Удупи. В комментарии Баладевы была выдвинута новая *сиддханта* Чайтаньи: *ачинтья-бхеда-абхеда-таттва* (принцип непостижимого одновременного единства и отличия). Эта концепция развивала доктрину *шакти-паринама-вады* (сущего как взаимодействия личностного аспекта Абсолюта и не отличающихся от него энергий) [18, с. 321].

Заключение

Если согласиться с трактовкой социокультурных функций философского знания В. С. Степина, то роль рефлексии над «универсалиями культуры» выполняет именно философия [19, с. 5]. В связи с этим следует заметить, что делает это «царица наук» подчас весьма категорично, определяя «архаический» характер современного ориентализма и назы-

вая научные подходы востоковедения «смесью чувства превосходства, наивного восхищения экзотикой и подчеркиванием инаковости Востока в качестве его особенностей» [20, с. 27]. А следующий пассаж представителя академической философии вообще мало чем отличается от смертного приговора целой отрасли наук: «Ориентализм, собственно, сам конструирует свой объект, занимаясь, по существу, исследованием “ориентальных” симулякров» [20, с. 27].

Безусловно, научная рефлексия в рамках одной отдельно взятой науки обойдется, что называется, меньшей кровью. Но, однозначно, для этого потребуются коренные трансформации прежних теорий и отказ от представлений и стереотипов, не позволяющих решать в рамках старой парадигмы соответствующие времени научные проблемы.

Литература

1. Лебедев А. С. *Философия науки*. М.: Академический проект; 2005.
2. Эйнштейн А. *Собрание научных трудов*. М.: Прогресс; 1965. Т. 4.
3. Саид Э. В. *Ориентализм. Западные концепции Востока*. СПб.: Русский мир; 2006.
4. Казанов Х. М. *Особенности осуществления культурной революции народов Северного Кавказа: автореф. дис. ... канд. филос. наук*. Баку; 1983.
5. Казанов Х. М. Восток-Запад: целевые ценности науки и техническая цивилизация. В: Куева А. И. (ред.) *Философия и социология в Республике Адыгея*. Майкоп: Адыгея; 1995. С. 22–35.
6. Зильберман Д. Б., Пятигорский А. М. Индийская философия. В: *Большая советская энциклопедия*. М.: Советская энциклопедия; 1972. Т. 10.
7. Зильберман Д. Б. Откровение в адвайта-веданте как опыт семантической деструкции языка. *Вопросы философии*. 1972;5:117–129.
8. Тимощук А. С. Эстетизация бенгальского вишнуизма в творчестве Рупы Госвами. *Ориенталистика*. 2018;1(2):289–302. DOI: [10.31162/2618-7043-2018-1-2-289-302](https://doi.org/10.31162/2618-7043-2018-1-2-289-302).
9. Останин В. В. Архитектоника «Бхагавата-пураны». *Ориенталистика*. 2019;2(1):150–158. DOI: [10.31696/2618-7043-2019-2-1-150-158](https://doi.org/10.31696/2618-7043-2019-2-1-150-158).
10. Кузнецов В. Ю. Сдвиг от классики к неклассике и наращивание порядков рефлексии в философии. *Вестник Московского университета. Серия 7. Философия*. 2008;(1):3–18.
11. Тростников В. Н. Научна ли «научная картина мира»? *Новый мир*. 1989;(12):257–260. Режим доступа: <http://www.veinik.ru/science/phil/article/458.html>
12. Ватман С. В. *Бенгальский вайшнавизм*. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та; 2005.
13. Куценков А. А. Бхакти в индийской культуре. В: Ванина Е. Ю., Варма П. К. (ред.) *Бхакти – религия любви: материалы науч. конф.* М.: Культурный центр им. Джавахарлала Неру; 1995.
14. Чаттерджи С., Датта Д. *Индийская философия: Философия йоги*. М.: Селена; 1994.

15. Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф. *Индия в древности*. М.: Просвещение; 1985.
16. Останин В. В. *Антропология классической веданты: эволюция религиозно-философских идей: автореф. дис. ... канд. филос. наук*. Томск; 2009.
17. Костюченко В. С. *Классическая веданта и неоведантизм*. М.: Мысль; 1983.
18. Сухотра Свами. *Тень и реальность*. М.: Философская книга; 1998.
19. Степин В. С. Философия религии в социокультурном контексте (памяти Л. Н. Митрохиной). *Вопросы философии*. 2008;(7):3–14.
20. Торчинов Е. А. *Пути философии Востока и Запада: познание запредельного*. СПб.: Азбука-классика, Петербургское Востоковедение; 2007.

References

1. Lebedev A. S. *The Philosophy of Science*. Moscow: Akademicheskii proekt; 2005. (In Russ.)
2. Einstein A. *The Collected Papers*. Moscow: Progress; 1965. Vol. 4. (In Russ.)
3. Said E. *Orientalism*. St. Petersburg: Russkii mir; 2006. (In Russ.)
4. Kazanov Kh. M. *Specific features of the cultural revolution among the peoples of the Northern Caucasus. Ph.D. Thesis*. Baku; 1983. (In Russ.)
5. Kazanov Kh. M. East versus West: target values of the Science and the technical civilization. In: Kueva A. I. (ed.) *Philosophical and Sociological studies in the Republic of Adygea*. Maykop: Adygeya; 1995, pp. 22–35. (In Russ.)
6. Zilberman D. B., Pyatigorskii A. M. *The Indian Philosophy In: Great Soviet Encyclopaedia*. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya; 1972. Vol. 10. (In Russ.)
7. Zilberman D. B. A revelation in Advaita-Vedanta as an example of the semantic destruction of the language. *Voprosy filosofii*. 1972;5:117–129. (In Russ.)
8. Timoschuk A. S. The Bengali Vaishnavism. The aesthetic aspects in the literature of Rupa Gosvami. *Orientalistica*. 2018;1(2):289–302. (In Russ.) DOI: [10.31162/2618-7043-2018-1-2-289-302](https://doi.org/10.31162/2618-7043-2018-1-2-289-302).
9. Ostanin V. V. Architectonics of the Bhagavata-Purana. *Orientalistica*. 2019;2(1):150–158. (In Russ.) DOI: [10.31696/2618-7043-2019-2-1-150-158](https://doi.org/10.31696/2618-7043-2019-2-1-150-158).
10. Kuznetsov V. Yu. The Shift From “Classical” to “Non-classical” Philosophy: Building Levels of Reflection. *Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy*. 2008;(1):3–18. (In Russ.)
11. Trostnikov V. N. How far Science-related is the “Science picture of the world”. *Novyi mir*. 1989;(12):257–260. Available at: <http://www.veinik.ru/science/phil/article/458.html> (In Russ.)
12. Vatman S. V. *The Bengali Vayshnavism*. St. Petersburg: St. Petersburg University; 2005. (In Russ.)
13. Kutsenkov A. A. The *Bhakti* in the Culture of India. In: Vanina E. Yu., Varma P. K. (eds) *The Bhakti as religion of love: proceedings of the Conference*. Moscow: The Jawaharlal Nehru Centre of Indian Culture; 1995. (In Russ.)
14. Chatterjee S., Datta D. The Indian Philosophy. *The philosophy of Yoga*. Moscow: Selena; 1994. (In Russ.)
15. Bongard-Levin G. M., Iliin G. F. *India in the Ancient Times*. Moscow: Prosveshchenie; 1985. (In Russ.)

16. Ostanin V. V. *The anthropology of the classical Vedanta: the evolution of religious and philosophic ideas. Ph.D. Thesis.* Tomsk; 2009. (In Russ.)

17. Kostyuchenko V. S. *The classical Vedanta and the Neo Vedantism* Moscow: Mysl; 1983. (In Russ.)

18. Suhotra Swami. *Substance and Shadow: The Vedic Method of Knowledge.* Zürich: Govinda Press; 1996.

19. Stepin V. S. Philosophy of Religion in Social and Cultural Context (in Memory of L.N. Mitrokhin). *Voprosy filosofii.* 2008;(7):3–14. (In Russ.)

20. Torchinov E. A. *The Philosophy in the East and West: Knowledge of the "Beyond".* St. Petersburg: Azbuka-klassika, Peterburgskoe Vostokovedenie; 2007. (In Russ.)

Информация об авторе

Антонова Наталья Ивановна, кандидат философских наук, директор АНО «Институт сознания», г. Москва, Российская Федерация

Information about the author

Natalya I. Antonova, Ph. D., Director, Institute of consciousness, Moscow, Russian Federation.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 29 января 2020 г.
Одобрена рецензентами: 29 февраля 2020 г.
Принята к публикации: 5 марта 2020 г.

Article info

Received: January 29, 2020
Reviewed: February 29, 2020
Accepted: March 5, 2020